

РУБАШЕЧКА

Привет, страна моя льняная,
Моя рубашечка-страна,
В тебе родился я, родная,
И обносил тебя сполна.
Давно бы мне сменить одёжку,
Совлечь особенную статью –
Да не найду никак застёжку,
А через голову не снять.
Да что там! Как-то раз бандюги:
«Сымай! – кричат. – А то под нож!»
А я сказал им, гадам: «Други!
Её и пулей не возьмёшь».
Она проста и невесома,
Она, как ноша, тяжела,
Она из льда, из чернозёма,
На ней кресты да купола.
Тут не до модного каприза,
Не до размера и числа.
Ведь это ангельская риза,
А к человеку приросла.

* * *

Свято место пусто не бывает.
По ночам там ветер завывает,
в полдень – ночь кемарит в уголке.

137

Или забредёт какой прохожий,
на простого ангела похожий,
с посохом ореховым в руке.
Снимет он трех пятирублёвый,
огласит молитвою суровой
до камней разграбленный алтарь,
и придут лисица да волчица,
чтобы той молитве научиться...
«Здравствуй, – он им скажет, –
Божья тварь...»
Солнце глянет в чёрные отверстия,
голуби, как добрые известья,
разлетятся в дальние края.
Грянет с неба благовест усталый,
и заплачет ангел запоздалый...
«Здравствуй, – скажет, – Родина моя...»

* * *

Я всегда пребывал на последних ролях
В шумных пиршествах, в обществах жрущих.
Я всегда умирал на бескрайних полях,
Где совсем уж не видно живущих.
Я шатался по травам, свободен и бос,
Обходя пропускные заставы
По тропинкам, вдоль сталинских лесополос,
По окраинам хлебной державы.

И теперь я лежу посредине земли,
Где бессмертники дремлют хорамы.
Жду с востока зари, чтобы ноги несли
К безымянным домам за буграми.
Со штанин снимаю сухие репы,
Добреду кое-как до сельмага...
Оживу за измятые эти рубли
И воскресну в траве у оврага.
Простучит за пригорком Саратов – Москва,
Просвистят реактивные звуки,
И склонится к России моя голова,
В ледяные отцовские руки.

ЭХО ПСАЛТЫРИ

Воскреснет Бог, и разбегутся мрази,
что хаяли в азарте и экстазе
земные и небесные Творца;
помчатся в никуда, не зная броду,
и расточатся в мрачную свободу
безвременья, безбожья и волчца.
Воскреснет Бог, и расползутся гады,
лица Его бегут, им нет награды
за ненависть, гордыню и корысть.
Возрадуются вдовы, дети малы;
садами зашумят лесоповалы,
дежурный херувим запишет: «Бысть...»
Воскреснет Бог, и распадутся сети,
все голуби взлетят, и все на свете
бессмертники сквозь смерть произрастут;
коль снег занёс – зверьё отроет лазы,
всех тонущих – удержат водолазы,
пожарные – пылающих спасут.

СМЕРТЬ

Как ни вертись, а умирать придётся...
Да где же смерть? А вот она, крадётся,
на лимузине поддаёт газку,

с подельничком стаканчик допивает,
кудлатым псом у дома завывает
и тянется к запястьям и к виску.
Она живёт в тепле светло и сыто,
фигурки наши лепит из пластика,
обводит красным чёрную беду,
железо плавит, мылом трёт швартовы,
скребётся в дверь, и мы уже готовы
поверить в технологии еуду,
в судьбу-злодейку, в неизбежность рока,
в бессмысленные речи лжепророка,
в безумный сон, в газетный полубред.
Листаем гороскопы, рвём страницы...
Могли бы жить как лилии и птицы
И знали бы, что смерти вовсе нет.

* * *

о. Анатолию Кудинову

Что по снежку ледяному,
что по камням мостовых –
всё мне едино, иному,
тенью шагать среди живых.
Волны вокруг или войны –
только одно на уме:
«Мёртвые, будьте покойны,
дети, не плачьте во тьме».
Всё переменится утром:
чёрное, стань золотым!
Стань, недалёкое, мудрым,
стань, ледяное, святым!
Сторож я был или странник,
воду менял на вино
или на возгласах ранних
плакал с собой заодно –
нынче у самого края
ангел меня подобрал.
Что я шептал, умирая?
И для чего умирал?..

ЧЕСТЕН, КАК СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Как легко было писать о Саше, его стихах, когда он был жив. И так трудно, когда его не стало...

Раньше я писала, фактически всегда обращаясь к нему лично, потому что в первую очередь это нужно было ему: всегда жадно ловил каждое слово читателя, слушателя, критика, как любой поэт, искал и ждал понимания, сопереживания. И любви, которой ему так не хватало.

Да, любовь очень, очень нужна поэтам! Не успех и популярность – минутные удовольствия, а подлинная любовь к поэзии. К его поэзии – конкретного человека, в муках создающего чудо.

Саша говорил, что вся жизнь состоит из удивительных встреч, чудес и приключений: «Многие тысячи, сотни тысяч людей прошли через мою жизнь, но немногие оставили следы, которые и сейчас различимы на этой длинной и пыльной дороге. В 1983 году, какой-то зимней ночью, я со слезами на глазах слушал по радио Би-би-си сквозь шумы казэбэшных помех повесть Леонида Бородина «Третья правда», но и предположить себе не мог, что через 20 лет мы с ним, давно уже главным редактором журнала «Москва», будем ехать в одной машине в Ярославль и ссориться по моей нетрезвой вине». Встречу с великим русским писателем Леонидом Ивановичем Бородиным он считал очень важной для себя. Наверное, с той поры у Саши сформировалась цель – стать сотрудником журнала «Москва». И он стал им (к сожалению, когда Бородина уже не было на свете) – заведовал редакцией поэзии. И сам повлиял на судьбы многих людей: чутьё на хорошие стихи, настоящую поэзию, понимание подлинной литературы у Хабарова были врождённые.

Он родился 11 февраля 1954 года в Севастополе, навсегда сохранил связь с этим городом-героем, посвятил ему многие стихотворения. И по месту рождения, если можно так сказать, и по сути своей Саша был настоящим романтиком – первой его мечтой стала мореходка. Поступил в мореходное училище. Но захотелось большего, его поманил университет – и вот он, упорный, уже учится в Крымском государственном университете. Потом, конечно, его помотало по жизни: работал матросом-рулевым, инструктором-спелеологом, налад-

чиком ЭВМ, журналистом, словно пытался познать себя, выбрать настоящее дело.

И нашёл его – он стал поэтом. Невозможно было не заметить его стихи, и Сашу поддерживали многие известные и состоявшиеся литераторы. Он рассказывал: «В 1989 году я получил свой первый гонорар за книгу стихов «Спаси меня», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» благодаря Святославу Рыбасу. В 1991 году благодаря ему я робко и неумело уже читал стихи с экрана Центрального телевидения». А к 1996 году Александр Хабаров вступил в Союз писателей России, стал автором многочисленных публикаций в газетах, журналах, на электронных поэтических площадках: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Москва», «Юность», «Нева», «Простор», «Гостиная» и др. Он автор четырёх сборников стихотворений, нескольких романов, книг публицистики, лауреат премий журналов «Москва», «Юность», «Чайка» (США), Всероссийской премии им. Заболоцкого, общенациональной Горьковской премии.

Его жизнь оборвалась в ночь на 25 апреля 2020 года.

136
Дочь Саши, Елизавета, которая, наверное, знает его лучше многих из нас, написала очень трогательные строки: «Папа прожил удивительную, яркую жизнь: он много где был, много где работал и много кого знал. Он вращался абсолютно в разных кругах, его везде уважали и любили. Он никогда ничего не боялся, не боялся остановить несправедливость, не боялся высказать своё мнение, не боялся пойти против системы, не боялся заступиться за друзей, никогда он не шёл против себя – так и отсидел два раза за эту самую несправедливость в советское время.

Он был человек искусства, настоящий поэт, он посвятил всю свою жизнь поэзии и никогда не пытался монетизировать дело своей жизни, не думал об этом. Это был его личный диалог с Богом и миром. Он начал писать очень рано, когда многие ещё не знают алфавита. Он чувствовал и знал такие вещи и процессы, которые недоступны другим людям, мог ответить на любой вопрос. Мне всегда будет не хватать наших с ним разговоров и споров обо всём на свете. Мы с ним были самые лучшие друзья».

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ,
г. Москва